

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
Настии Орловой:

На моих условиях

Выбираю тебя

Настя Орлова

Выбираю
тебя

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Иллюстрация на переплете *Полины Наумовой*

Орлова, Настя.

О-66 Выбираю тебя : [роман] / Настя Орлова. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-176644-3

Итальянские страсти на просторах Москвы... Семья Валиевых и Ди Анджело враждуют, и потому младшие представители фамилий тоже должны ненавидеть друг друга. Но зачем тогда Александр Ди Анджело приходит на выпускной вечер к Лиле Валиевой, зачем появляется спустя три года? Его отнюдь не ангельская харизма сделала свое дело — девушка не заметила, как влюбилась. Но, кажется, Алекс не готов торопить события и делать их близость реальностью. Почему? На Лилю у него серьезные планы — или, наоборот, никаких планов нет? У брата, узнавшего, с кем она встречается, известие вызвало ярость, и тот поделился тайной — у Ди Анджело есть невеста из богатой итальянской семьи, интернет врать не будет. Что делать в таком случае?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орлова Н., текст, 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-176644-3

Пролог

День клонится к закату. На город опускается теплая летняя ночь. Спасаясь от духоты, выхожу из переполненного банкетного зала на пустую террасу, увитую плющом и декоративным виноградом. Жадно вдыхаю полной грудью воздух, насыщенный ароматом цветущих кустарников и речной сырости, и запрокидываю голову, чтобы найти на небе первую звезду, которая зажглась на востоке. Моя лучшая подруга, увлеченная в последнее время астрологией, накануне сказала обязательно загадать на нее желание. И сейчас я, прикрыв глаза, шепчу про себя заветные слова, отпуская их во вселенную.

Впервые за долгое время на душе у меня легко и спокойно. Все же мама была права: та нервозность, которую я испытывала в последние дни, связана с окончанием школы, а не с какими-то тревожными событиями, которые должны произойти. А я себя так накрутила —

вчера даже заснуть не смогла, до рассвета мучаясь предчувствием надвигающейся катастрофы. Хорошо, что сейчас все позади.

Облокотившись на мраморные перила, опоясывающие террасу, бесцельно всматриваюсь в сгущающиеся сумерки. Губы растягиваются в улыбке, стоит мне уловить приглушенные звуки живой музыки, доносящиеся из зала. Когда я выходила на улицу, на сцене готовилась к выступлению популярная кавер-группа, и уже по первым аккордам я слышу, что ребята начинают свою музыкальную программу с классической баллады, в моей душе тесно связанной с родителями и тридцатилетним юбилеем их свадьбы. Со дня того пышного праздника прошло уже несколько месяцев, а я до сих пор помню выражение лиц родителей, когда они кружились в танце, — влюбленное, счастливое, заставляющее меня мечтать о том, что однажды и я встречу человека, который будет смотреть на меня так, как папа смотрит на маму...

Погрузившись в приятные воспоминания, упускаю момент, когда на террасе появляется кто-то еще. Услышав за спиной приближающиеся шаги, оборачиваюсь, уверенная, что увижу кого-нибудь из школы, но темная широкоплечая фигура, которая движется по направлению ко мне, не имеет ничего общего ни с одним из моих одноклассников.

Растерявшись, настороженно слежу за тем, как приближается человек, который нарушил мое уединение, и поражаюсь собственным реакциям: тому, как перехватывает дыхание, как по рукам рассыпаются мурашки, а вдоль позвоночника пробегает холодок.

Опасность. Это та самая неясная опасность, которую я подсознательно ждала все последнее время. Она меня настигла. Вот и не верь после этого в предчувствие.

Под аккомпанемент лихорадочного стука сердца, которому вдруг стало тесно в груди, крепче стискиваю пальцами прохладные перила за спиной. В затуманенном шоке сознания мелькает мысль, что пара глотков шампанского, тайком пронесенного на вечеринку приятелем из параллельного класса, были лишними, но в следующий миг незнакомец вступает в треугольник света, исходящий от тусклого фонаря над террасой, и мне наконец удается как следует разглядеть его.

Невероятно.

Я шумно выдыхаю, затем судорожно хватаю ртом воздух, отчетливо понимая, что в моем состоянии алкоголь совершенно ни при чем, а тревога, все это время владевшая мной, абсолютно оправдана. Потому что в нескольких шагах от меня останавливается Александр Ди Анджело. Человек, которого я ненавижу, чтобы жить, и живу, чтобы ненавидеть.

Наши с ним пути не пересекались почти три года. И я бы предпочла не видеть его еще столько же — настолько болезненной была наша последняя встреча. Долгие месяцы после нее я, еще совсем девчонка, просыпалась в слезах. Ночь за ночью в кошмарных снах меня преследовало искаженное ненавистью лицо. И, несмотря на то что ярость этого человека никогда не была обращена на меня, всякий раз, когда воспоминания о том ужасном вечере проникали в мои сны, тело охватывал озноб, а сердце заходило от страха.

Я знала, что после того случая Александр уехал из города, но долго не могла обрести покой. Я опасалась за жизнь брата, переживала за благополучие родителей, даже за себя мне было страшно, но дни шли за днями, недели складывались в месяцы, и, когда стало понятно, что Ди Анджело в обозримом будущем не вернется в наш город, тревога понемногу отошла на второй план, позволив мне жить и двигаться дальше. За эти годы я научилась не искать в интернете его фотографии, не следить за его социальными сетями и честно старалась выбросить любые воспоминания о нем из головы, но вскоре была вынуждена признать, что принцип «с глаз долой — из сердца вон» так и не сработал в отношении Александра Ди Анджело.

Где-то на уровне подсознания я всегда знала, что когда-нибудь увижу его снова. Боялась

этого? Стыдно признаться, да. Но подготовить себя к возможной встрече так и не смогла, наивно полагая, что у меня в запасе еще есть время. И вот этот момент настал, Алекс снова рядом: такой же надменный, такой же опасный, такой же неотразимый, как я помнила. О, нет, он стал даже лучше, чем я помнила.

При мысли о том, насколько привлекательным я все еще нахожу этого человека, кровь стыдливо опалает мои щеки, а ладони предательски потеют. Немыслимо! Три года назад я была четырнадцатилетним ребенком, и Александр объяснимо внушал мне благоговение и страх, но я давно выросла. И много раз обещала себе, что, когда мы встретимся вновь, я не стану бояться. С этой мыслью я вздергиваю подбородок и, отбросив сомнения, бесстрашно встречаю его сверкающий в темноте взгляд.

— Ты заблудился? — бросаю дерзко, не дожидаясь, когда Ди Анджеоло начнет разговор.

— Вовсе нет. — Он сдержанно улыбается и делает еще один шаг навстречу.

— Я тебе не рада.

— А с чего ты взяла, что я здесь из-за тебя? — уточняет Алекс. Его улыбка становится чуть шире, а лицо, непроницаемое еще мгновение назад, приобретает насмешливое выражение.

Поделом мне, думаю я, проклиная свою несдержанность. Пусть я не могу найти ни од-

ной разумной причины, почему Александр Ди Анджело оказался на выпускном вечере моего класса, это не значит, что ее нет. Как глупо с моей стороны, не разобравшись, принять его появление на свой счет и тем самым подставить себя под этот унижительный удар... Надо было сделать вид, что я его не узнала, и просто пройти мимо!

— Ты забавная, Лиля, — вдруг заявляет Алекс, усмехнувшись. — Разумеется, я пришел к тебе.

— Зачем? — уточняю настороженно.

— Не мог пропустить твое прощание с детством.

— С чего бы это?

— Банальное любопытство, — пожимает он плечами. — Ты больше не ребенок, а мне всегда было интересно, какой ты станешь, когда вырастешь. Могу сказать откровенно: увиденное меня не разочаровало.

Задохнувшись от возмущения, я делаю судорожную попытку разгадать скрытый подтекст в его словах. Он есть, я это чувствую, но совершенно исключено, что я правильно его уловила. Алекс мной интересуется? Это еще более невероятно, чем его появление здесь!

— Прости?

— Ты слышала, — отрезает он, явно не желая повторяться.

Что-то в его жестком тоне, приправленном бархатной модуляцией голоса, усиливает тревожность в моей душе, но вместе с тем находит совершенно неожиданный чувственный отклик в моем теле.

— Твой отец не научил тебя хорошим манерам? — срывающимся голосом произношу я, чтобы замаскировать собственную слабость. — Или в твоей семье принято вести себя по-хамски?

— Ди Анжело — потомки древнейшего итальянского рода, — напоминает Алекс, окинув меня высокомерным взглядом. — То, что мама из простой русской семьи, не меняет этого факта моей родословной.

— Мне приседать в реверансе всякий раз, как ты оказываешься на моем пути? — интересуюсь запальчиво.

На этот раз он не улыбается — он смеется, слегка запрокинув голову и обнажив ряд белых зубов с небольшими клыками по бокам, а потом вдруг протягивает руку и в мимолетном жесте касается моей щеки.

— Немного почтения бы не помешало, — заявляет неожиданно серьезным тоном, который никак не вяжется с улыбкой, все еще заметной на его лице.

— В твоих мечтах! — выкрикиваю я громче, чем следует.

Ничего не могу поделаться: сейчас я абсолютно собой не владею, и для этого Алексу оказалось достаточно просто ко мне прикоснуться! И хотя его рука уже давно спрятана в кармане брюк, я все еще ощущаю покалывание в том месте, где его пальцы оставили незримый отпечаток на моей щеке.

— Красивое платье, — замечает Алекс, внезапно меняя тему беседы.

Не переставая улыбаться, он с нескрываемым интересом разглядывает меня. Его глаза с оскорбительной неспешностью скользят по моей фигуре, лениво, осторожно, будто уступая необходимости, которой он бы предпочел пренебречь. Вот взгляд задерживается на талии, потом поднимается к груди и медленно скользит вверх к шее, на которой отчаянно пульсирует голубая жилка. Так глупо, но я почти физически ощущаю на себе тяжесть этого взгляда. Становится трудно дышать. Грудь сдавливает, а сердце трепещет, как птица, пойманная в силки.

Инстинктивно делаю шаг назад, потом еще один, пока моя спина не оказывается прижатой к каменной стене, но Алекс не спешит приближаться. Он продолжает рассматривать меня с легкой полуулыбкой, которая может выражать что угодно: интерес, презрение, насмешку и даже абсолютное безразличие.

Я точно знаю, что хочу уйти, но ноги словно прирастают к полу. Наверное, именно так чувствует себя несчастный зверь, загипнотизированный светом фар на дороге. Все, что я могу, — разорвать зрительный контакт, но в конце концов и это оказывается ошибкой, потому что мой взгляд останавливается на его губах. Четко очерченных, чувственных, в меру пухлых... Мужчина просто не должен быть обладателем таких губ, потому что один взгляд на них провоцирует в воображении волну непристойностей, которые в данных обстоятельствах только усиливают мой страх и смущение.

Сбитая с толку направлением, которое приняли мои мысли, я не замечаю, как Алекс сокращает дистанцию, заключая меня в ловушку между стеной и своим телом. Наши взгляды встречаются, и в темных бездонных глазах я вижу отражение собственного лица. В попытке отстраниться поднимаю руки, но уже в следующий миг ощущаю, как ладони прижимаются к твердой мускулистой груди, обтянутой шелковой рубашкой. Рука Алекса обхватывает мой затылок, пальцы путаются в распущенных волосах, и я вдруг понимаю, что из этого тесного объятия мне не выбраться самостоятельно. Я все же делаю еще одну отчаянную попытку уклониться, но он только еще ниже

опускает темноволосую голову. На выдохе с трудом произношу его имя. Слабый звук поглощают губы, оказавшиеся в опасной близости от моего рта.

А потом он целует меня.

Целует, да. Только на самом деле это не поцелуй. Меня целовали раньше, но этот... этот акт не имеет ничего общего с поцелуем, несмотря на то что наши губы встречаются, а его язык бесстыдно врывается в мой рот. То, что делает со мной Алекс, похоже на поглощение, на завоевание и покорение, но только не на банальный поцелуй.

Я настолько обескуражена, что мне даже в голову не приходит остановить его. Оттолкнуть его, закричать или позвать на помощь. Окружающий мир рассыпается в пепел. Земля соскакивает со своей оси, звезды гаснут. Ноги больше не держат меня, и только стена, к которой прижимается моя спина, и сильные пальцы, крепко сжимающие мой затылок, здесь и сейчас спасают меня от падения.

Неожиданно на террасе раздаются громкие голоса, слышится звук шагов и цокот каблучков по кафелю. Алекс глухо ругается и стремительно отстраняется от меня.

— Добро пожаловать во взрослый мир, — успеваешь шепнуть он в мои раскрытые губы, все еще хранящие вкус и тепло его поцелуя.

Стайка одноклассников проносится мимо и скрывается в укромном алькове на противоположной стороне террасы. Меня никто не видит, но в тот момент это не имеет никакого значения. Мои щеки горят от стыда и другого неясного чувства, будоражащего кровь, глаза наполнены слезами унижения и обиды, сердце неистовствует в груди.

— Я тебя ненавижу, — выдыхаю сипло и, оттолкнувшись от стены, бегу прочь, мысленно посылая во вселенную новую мечту — больше никогда не встречать Александра Ди Анджело на своем пути.

Глава 1

Три года спустя

В жизни есть события, с которыми невозможно смириться: смерть близких — одно из них. Сегодня утром на моих глазах похоронили маму и папу, но я так и не сумела осознать и принять того, что с ними произошло.

Так странно, лишь одно короткое мгновение отделяет жизнь от смерти. Доля секунды, в которую что-то может пойти иначе. Мелочь. Другой сигнал светофора. Предупреждающий знак на дороге. Неторопливый пешеход, которого пропускаешь на переходе. Секундная заминка — спасение. Но все идет согласно роковому плану: пьяный водитель выводит свой автомобиль на встречную полосу, чтобы произошла фатальная встреча со смертью. Столкновение, вспышка, конец. Криминалисты сказали, что родители погибли мгновенно, не успев ничего почувствовать. Наверное, вера в это — единственное, на чем я держусь.

Я почти не помню, как прожила несколько дней, прошедших с того злополучного звонка,

разделившего жизнь на до и после. Знаю, что дядя занимался формальностями с похоронами, брат беспробудно пил, бабушка плакала, но и под пытками не смогу вспомнить, что делала в это время я. С того момента, как на пороге дома возникли полицейские, я словно провалилась в бездонную кроличью нору, из которой не могла выбраться до сих пор.

За церемонией прощания с самыми дорогими мне людьми я наблюдала с холодной отстраненностью, граничащей с безразличием. Слово все это было понарошку и происходило не со мной. Мой мозг отказывался признавать тот факт, что мама больше никогда не обнимет меня, а папа не ободрит в дни неудачи. Что никто из них уже никогда не протянет мне руку, чтобы утешить, не скажет строго, чтобы я взялась за ум, не взъерошит волосы, не улыбнется, не подарит тепло и любовь, безусловную и вечную. В тот последний раз, когда я держала их ладони в своих, они уже были чужими. Холодными. Безразличными. Не моими.

Больше всего на свете мне хочется заползти в какой-нибудь темный угол и забыть произошедшее, как страшный сон, но это невозможно. Люди, которые совсем скоро придут на провода, должны увидеть наследников семьи Валиевых, даже в скорби сохраняющих свое достоинство. Поскольку я не уверена, что литры выпитого за

последние дни спиртного не свалят моего единственного брата Кирилла с ног, я не могу позволить себе дать слабину. Ради памяти родителей я выдержу все, даже если это станет завершающим актом моей собственной жизни.

С трудом передвигая ноги, поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Силы на исходе, но у меня есть пять драгоценных минут в уединении своей комнаты, чтобы сходить в туалет и собраться. Совсем скоро в дом потянутся люди, чтобы почтить память моих родителей. Встретить их — мой долг, пренебречь которым я не могу.

Бесшумно прикрываю за собой дверь и обесиленно прислоняюсь спиной к гладкой деревянной поверхности. Ощущение такое, будто за последние дни я постарела на сто лет. Приподняв руки, осторожно массирую ноющую шею и забитые мышцы плеч. Касаюсь ладонями щек. Они холодные и чуть шершавые от слез, которые давно высохли, оставив после себя лишь соленые дорожки на коже.

Через всю комнату смотрю на себя в зеркало. В отражении не я — там измученная незнакомка в черном, с потухшими глазами и серого цвета лицом. Приглаживаю ей волосы, стряхиваю невидимые пылинки с брюк и водолазки, делаю глубокий вдох и медленный выдох, как учила мама. В глазах предательски щиплет, но я не

даю слезам пролиться. Вместо этого иду в туалет, долго брызгаю в лицо ледяной водой и заново накладываю тональный крем.

Когда я спускаюсь на первый этаж, дом заполнен людьми, многих из которых я вижу впервые. На последней ступеньке меня перехватывает дядя, бесцеремонно хватая за руку и куда-то тащит. Я не сопротивляюсь и не протестую, знаю, что ему тоже нелегко.

Следующие минуты, а может быть, и часы, чувствую себя как в тумане. Кто-то сунул мне в руки белый платок, и я бесцельно тереблю его пальцами, слушая однотипные соболезнования и вежливо кивая, как заводная кукла. Меня мутит. Сил как у новорожденного котенка. Я не помню, когда ела в последний раз, — знаю, что не сегодня. Мысль о еде вызывает отвращение, но я думаю, что если хочу пережить этот день, нужно сбежать на кухню и перекусить. Впрочем, может быть, дело вовсе не в еде, а порыв сбежать связан с Кириллом. Брат стоит рядом на шатающихся ногах, и от него до тошноты разит алкоголем.

Поток людей не заканчивается. Я мечтаю сесть в машину, нажать на газ и уехать куда глаза глядят. Может быть, я так и сделаю, когда этот день закончится.

Внезапно что-то привлекает мое внимание у входа. Мимолетное движение, мгновенное

узнавание. Сейчас у двери никого нет, но мои глаза нервно сканируют зал, а внутри сокрушительной волной поднимается тревога. Не понимаю, откуда взялось это чувство, но воздух будто сгущается, как бывает в ожидании шторма. В животе возникает противное сосущее ощущение, которое напоминает мне, что лишь один человек на земле способен воздействовать на меня подобным образом. Только его появление в доме моих родителей совершенно невозможно.

Может быть, я ошиблась? Это все нервы. Нервы, бессонница, голод и...

В моей голове завывает предупреждающая сирена. Что-то в сердце болезненно екает. Еще до того, как толпа передо мной расступается, я точно знаю, что через несколько секунд увижу его. Александра Ди Анджело.

И это происходит: серые глаза, манящие и глубокие как бездна, впиваются в мои, широкоплечая фигура напрягается, а темноволосая голова слегка наклоняется в жалком подобии приветствия.

Значит, интуиция не подвела меня. Я видела его на похоронах! Тогда я подумала, что это лишь фантазии моего измученного переживаниями сознания, но сейчас ошибки быть не может — Алекс действительно имел наглость притащиться в наш дом.

Когда первое оцепенение, вызванное его появлением, проходит, я в ужасе перевожу взгляд на Кирилла. Если брат заметит нежданного гостя — быть беде. Его пьяная потасовка с одним из Ди Анджело — последнее, что мне сейчас нужно. К тому же при взгляде на высокую подтянутую фигуру Алекса, мощь которой подчеркивает идеально скроенный черный костюм, у меня не возникает ни малейшего сомнения в том, кто выйдет победителем из этого противостояния. Не Кирилл.

В попытке спасти безнадежную ситуацию отхожу от брата и быстро иду к Александру, на ходу испепеляя его взглядом. Мне нельзя медлить, потому что он тоже не стоит — размашистой походкой движется на нас, как несущий на Землю гибель астероид, а я просто не могу допустить, чтобы это столкновение произошло сегодня.

Под бешеный шум крови в ушах и каблуков по паркету дистанция между мной и незванным гостем стремительно сокращается, и когда нас разделяют считанные сантиметры, я хватаю его за руку и тащу за собой к выходу из зала. По пути оглядываюсь и облегченно вздыхаю, поняв, что в поле зрения Кирилла — официант с водкой, а не я с Ди Анджело.

— Как ты посмел прийти сюда? — Едва мы оказываемся на кухне, вдали от любопытных

взглядов, я брезгливо отпускаю запястье Алекса и выплевываю вопрос, который вертится на языке с момента, когда наши глаза встретились.

Он долго не отвечает. В своей типичной раздражающей манере разглядывает меня, вызывая инстинктивное желание спрятаться. Невольно я думаю о том, что он видит: бледное лицо с заострившимися чертами, темные тени под глазами, обветренные губы, искусанные в кровь, потускневший взгляд.

Одергиваю себя — мне нет дела, что видит Александр Ди Анджело. Если он пришел сюда, чтобы посмеяться или запугать меня, ему это не удастся!

Вздергиваю подбородок и награждаю Алекса ледяным взглядом, но моя воинственность разлетается вдребезги от неподдельной теплоты, которой вспыхивают его глаза, когда он наконец произносит:

— Мне очень жаль, Лиля.

Его густой голос звучит низко и немного хрипло, и говорит он с едва уловимым итальянским акцентом, чуть растягивая слова. Как-то иначе, не так, как обычно. Будто волнуется, что, конечно, само по себе невероятно. За те годы, что я знаю Алекса, я едва ли хоть раз видела его неуверенным в себе, и пусть с нашей последней встречи прошло много лет, вряд ли он силь-

но изменился. Рожденный русской матерью от отца-итальянца, он всегда обладал аристократической надменностью и удивительным шармом, впитавшим лучшее от двух наций. Волнение — не для него, и нечего мне выдавать желаемое за действительное.

Открываю рот, чтобы сказать, куда он может засунуть свои соболезнования, но прежде чем успеваю произнести хоть слово, чувствую прикосновение его теплых пальцев к своим холодным ладоням.

— Никогда не слышал о личном пространстве? — выдыхаю я, шокированная этим бесцеремонным вторжением.

Прячу руки за спину, но не отступаю. Прикосновения Алекса — это табу, но много лет назад я хорошо усвоила урок — этому человеку нельзя демонстрировать даже малейшего намека на слабость, иначе он без всякого колебания использует ее против тебя же.

— Я не нуждаюсь в твоих соболезнованиях, — продолжаю неприязненно, потому что он молчит. — Полагаю, день смерти моих родителей станет для Ди Анджемо семейным праздником.

В глазах Алекса недоумение. Желваки на скулах надуваются, густые брови сходятся на переносице, а губы складываются в ровную линию.

— Ты сама не веришь в то, что говоришь, — говорит он спокойно, контролируя свой голос, хотя я чувствую, что мое обвинение ему не понравилось. — Мы сочувствуем вашему горю.

Его слова звучат вполне искренне, но я знаю, просто знаю, что ему нельзя доверять. Ни ему, ни кому-то еще из его семьи. Мой отец имел когда-то неосторожность положиться на Вальтера Ди Анджели и потерял львиную часть бизнеса. А Кирилл считал Алекса другом, пока ему не пришлось три недели проваляться в больнице с сотрясением мозга и сломанной рукой. Инстинкт самосохранения подсказывает, что мне тоже нужно быть очень осторожной, но я никогда не была трусихой и сейчас тоже не буду.

Для того чтобы смело встретить взгляд Алекса, мне приходится задрать голову. Я почти забыла, какой он высокий. Я тоже не маленькая, но мне приходится смотреть на него снизу вверх, и это бесит. Но еще сильнее бесит то, что с нашей последней встречи он, кажется, стал еще более мужественным и привлекательным, хотя, казалось, куда уж больше? Темные волнистые волосы, как всегда, немного длиннее, чем положено, непослушная прядь, как и раньше, небрежно падает на глаза. Правильные черты лица, высокие скулы, прямой тонкий нос, упрямый подбородок, высокий лоб. Про-

ницательные темно-серые глаза и чувственные губы. Губы, мечты о которых тревожили меня все эти годы, прошедшие с моего школьного выпускного...

О господи!

— Зачем ты на самом деле пришел? — спрашиваю я, отгоняя постыдные воспоминания.

Бесполезно пытаться понять, что у Ди Анджело на уме, поэтому я задаю прямой вопрос, на который хочу получить исчерпывающий ответ.

— Чтобы увидеть тебя, — отвечает Алекс. — И убедиться, что ты справляешься с этой ситуацией.

— Я справляюсь, — говорю резко, морщась от слова «ситуация», которое он подобрал для описания ужаса, в котором я живу уже несколько дней.

— Чем я могу помочь тебе?

Его вопрос вводит меня в замешательство. Я вдруг ощущаю себя на грани истерики — мне до нее остался крошечный шаг, а я уже неосмотрительно оторвала ногу от пола. Уму непостижимо! Я держалась четыре дня, а сейчас готова не то расхохотаться, не то разрыдаться перед единственным человеком, перед которым этого нельзя делать. Вот кто без единого сомнения использует мой срыв с выгодой для себя.

— Вернуть типографию, которую вы обманом купили месяц назад? — с сарказмом произношу я.

Графитовые глаза Алекса сужаются, выражение лица становится мрачным.

— Это бизнес, Лиля. Твой отец...

Закрываю уши ладонями и быстро мотаю головой.

— Не смей говорить о моем отце! — перебиваю я. — Не надо. Если ты действительно хочешь помочь — уходи, — прошу глухо, чувствуя, как на меня наваливается усталость. — Просто уходи, Алекс. Я не хочу, чтобы тебя здесь видели. Кирилл в зале. Еще одной сцены я не выдержу.

На мгновение его суровое лицо смягчается. В серых глазах вновь появляется теплота, в природу которой мне не хочется вдаваться.

— Мне действительно жаль, Лиля. Поверь мне.

Внезапно Алекс протягивает руку и легко касается моей щеки. Его пальцы теплые, немного шершавые, но очень нежные. И пусть он снова нахально нарушает границы моего личного пространства, я почему-то не делаю попытки отстраниться. Эти тепло и нежность — будто из давно забытого прошлого, когда я не была такой одинокой, как сейчас. Когда был кто-то, кому я была небезразлична...

ВЫБИРАЮ ТЕБЯ

На глазах закипают слезы, нервы взвинчены до предела, а рядом со мной Ди Анджело. Должно быть, я просто спятила.

Прикрываю веки, зная, что пора прекратить это безумие, но еще до того, как собираюсь с силами, Алекс убирает руку. Я слышу его тяжелый вздох. Шаги. Когда я открываю глаза, комната пуста. И только разлитый в воздухе древесно-пряный аромат мужского одеколona убеждает меня, что все случившееся мне не приснилось.

Глава 2

— Мне нужно, чтобы ты подписала несколько бумаг до того, как я уйду в офис, — говорит Кирилл, допивая свой кофе.

Я киваю, рассеянно помешивая овсянку в тарелке, и смотрю в окно. Солнце светит. Птицы поют. И деревья у нас в саду уже совсем зеленые.

— Это срочно, Лиля, — добавляет брат нетерпеливо, вставая из-за стола. — Заканчивай и приходи.

Кухня опустела, а я еще несколько минут тарашусь в окно: думаю о том, как я могла не заметить, что пришла весна. В конце концов запикиваю ложку каши в рот и тут же выплевываю остывшую овсянку обратно в тарелку. Гадость. Ею теперь только кирпичи на стройке склеивать. Вываливаю скользкую массу в мусорное ведро, ставлю грязную тарелку в посудомоечную машину и послушно плетусь в кабинет. Раньше его занимал папа, а теперь облюбовал

брат, которому очень нравится строить из себя большого босса. Я не против — только бы ко мне не приставал.

Через неделю после похорон родителей мы с ним вступили в наследство, так что Кир теперь главный в группе компаний «РусПринт». Управляет и моей, и своей долей. Уходит рано, приходит поздно. В выходные торчит в кабинете. Даже размалеванных девиц перестал таскать в дом, хотя возможностей для этого сейчас куда больше, чем раньше. Отношения у нас с братом никогда не были безоблачными. Сейчас и подавно. В свободное от работы время он пытается меня строить, я его технично посылаю. Я считаю Кирилла самовлюбленным говнюком, но это не мешает мне признавать, что он, кажется, действительно старается не спустить отцовский бизнес в трубу.

Мамы и папы нет уже больше двух месяцев.

При мысли об этом болезненно сжимается сердце. Время идет, а рана в моей душе продолжает кровоточить.

Захожу в кабинет и морщусь, словно получив болезненный удар под дых. Находиться здесь тяжело. Кирилл не вяжется со всей этой обстановкой. Отца не хватает до воя.

— Вот. — Брат пододвигает на край стола несколько отпечатанных на принтере листков.

— Что тут? — вяло интересуюсь я.

— Закупка новых станков, — поясняет сухо. — Нужна твоя подпись.

Беру ручку и, не читая, ставлю свои инициалы на трех страницах. Я вице-президент — упражняться в письме такого рода приходится часто.

Собираюсь уходить, но Кирилл, собрав бумаги, нравоучительно цедит:

— Ты в университет ходить собираешься? Я устал прикрывать твою задницу. Декан по старой дружбе с отцом регулярно названивает мне, чтобы узнать, как твои дела. Не хочешь учиться — возьми академ. Только избавь меня от этого дерьма.

Я пожимаю плечами.

— Не бери трубку, — советую я, хлопая дверью.

Поднимаюсь в свою комнату, не снимая тапочек, забираюсь на кровать и с отсутствующим взглядом наблюдаю, как косые лучи солнца ложатся на стены. Через несколько минут снизу раздается глухой хлопок входной двери — брат ушел. Я снова одна.

С тех пор, как мамы и папы не стало, я любила одиночество. Так странно. Раньше я была душой компании и считала, что день прошел зря, если я провела его дома, а теперь мне не хочется видеть людей. Многие из тех, с кем я встречалась в последние пару месяцев, ждали

от меня какой-то особенной реакции на случившуюся трагедию или, что еще хуже, отводили глаза и жалели. В итоге единственным человеком, которого я осознанно оставила в кругу своего общения, стала бабушка.

До обеда я не встаю с кровати. Игнорируя горящие иконки мессенджеров, бесцельно листаю ленту в соцсетях, потом включаю новую серию «Анатомии страсти». Мама очень любила этот сериал и надеялась, что у Мередит и Эндрю Делуки все получится. Я хотела, чтобы это желание исполнилось, но сценаристы и тут подвели — Эндрю, как и мамы, больше нет.

В час звонит бабуля, говорит, что вчера в холодильнике оставила для меня маринованную курицу, которую нужно лишь закинуть в духовку, и просит меня поесть — она считает своим долгом напоминать мне о приемах пищи. Есть мне не хочется, но еще сильнее не хочется ее расстраивать, так что я плетусь на кухню и принимаюсь за готовку.

Когда курица оказывается в духовке, а бабушка отключается, обещая заехать вечером, раздаётся звонок у ворот. Я хмуро смотрю на экран домофона и вижу там Анюту, мою подружку из университета. Мы не договаривались о встрече, а она пришла. Наверное, поняла, что, если попытается меня предупредить, я обязательно придумаю причину, чтобы с ней не видеться.

Можно притвориться, что меня нет дома, но это низко. Аня моя подруга, и возможно, только возможно, мне ее действительно не хватает. После короткой заминки нажимаю кнопку домофона, и через двадцать секунд девушка оказывается на пороге.

Мы не виделись... Сколько? Месяц?

— Выглядишь паршиво, — хмуро бросает она вместо приветствия.

— И тебе привет, — отзываюсь я за секунду до того, как Аня стискивает меня в объятиях. От нее пахнет весной, молодостью и свежим «Джо Малон». И немножко счастливым прошлым, по которому я так отчаянно скучаю.

Неготовая тонуть в водовороте эмоций, я выскальзываю из объятий подруги и переключаюсь на практические дела:

— У меня там курица в духовке. Ты голодная?

— Еще бы! — отвечает она, скидывая у порога белые кеды. — После марафона из четырех пар по социологии я готова съесть мамонта.

Мы идем на кухню. Пока я достаю из холодильника овощи и готовлю салат, Аня развлекает меня последними новостями университетской жизни. Я благодарна ей за то, что она не лезет ко мне в душу и не учит, как жить. Она ведет себя как ни в чем не бывало, будто понимает, что это именно то, что мне нужно.

Минут через сорок из духовки начинают тянуться ароматные запахи жареного мяса. Я ставлю на стол салат и лезу в ящик за приборами.

— Ты свободна вечером? — спрашиваю подругу.

У Ани глаза ползут на лоб. Я ее понимаю, сама удивлена собственным вопросом. Как-то само собой вышло, а теперь я и не хочу идти на попятный.

— Можем сходить куда-нибудь, — поясняю я. — Ну, погулять или в кино.

— Давай, — отвечает она и, словно боится, что я передумаю, сразу же смотрит афишу и покупает нам билеты на новый фильм Гая Ричи.

После обеда мы поднимаемся в мою комнату. Оставляю Аню в компании с телефоном и парочкой журналов, а сама иду в душ, чтобы привести себя в порядок. Сушу волосы, даже крашусь. Долго не могу решить, что надеть. Я так давно никуда не выходила — может, моя одежда уже вышла из моды?

В итоге натягиваю джинсы, любимый свитер молочного цвета и беру с собой кожаную куртку.

— Ну вот, хоть на человека стала похожа, — комментирует мое перевоплощение довольная Аня, спрыгивая с кровати. — Поехали?

После кино мы долго гуляем. Несмотря на то что уже стемнело, на улице тепло и безветренно. Я ощущаю странное умиротворение и впервые за долгое время интерес к тому, что происходит вокруг.

— Спасибо, что приехала, — говорю Ане.

Она берет мою руку и легонько сжимает.

— Без тебя все тоска. Возвращайся, Лиля.

Какое-то время мы молча идем по вечернему городу, потом заходим в бар, чтобы перекусить. Пятничным вечером тут полная посадка, но администратор находит для нас маленький столик в углу зала. Бегло просмотрев меню, заказываю салат и десерт.

— Может, возьмем вина? — предлагает Аня.

Вообще, я плохо переношу алкоголь, но согласно киваю. Почему бы и нет?

— Два бокала «ПиноГриджио», — дает подруга указание официанту.

— Давайте нам бутылку, — перебиваю я, делая вид, что не замечаю удивленного взгляда, который бросает на меня в этот момент Аня.

Незаметно для себя я практически в одиночку выпиваю бутылку вина и тут же заказываю вторую.

— Это плохая идея, — ворчит подруга, но я отмахиваюсь. Во всем теле у меня приятная лег-

кость, губы то и дело растягиваются в улыбке. Мне хорошо. Разве не в этом весь смысл алкоголя?

На часах не больше одиннадцати, когда Аня предлагает вызвать такси.

— Я собираюсь танцевать, — заявляю бесшабашно. — Не будь такой занудой. Еще рано.

До того как она успевает возразить, я встаю из-за стола и выдвигаюсь к танцполу. Мир слегка покачивается перед моими глазами, но я вижу цель — извивающуюся под ритмичные биты толпу людей — и иду ей навстречу. Я уже почти там, когда передо мной оказывается препятствие в виде широкоплечей мужской фигуры в сером кашемировом свитере. Пытаюсь обойти его справа, но вместо этого чувствую на своих плечах руки, которые буквально пригвозждают меня к месту.

— Лиля? — сквозь непрекращающийся шум в голове слышу подозрительно знакомый голос и цепенею.

Запрокидываю голову, чтобы убедиться, что это не пьяная игра воображения. И хотя красивое лицо раздваивается перед глазами, сомнений у меня не остается — рядом со мной стоит Ди Анджели.

— Привет, Алекс, — бормочу я, беззастенчиво разглядывая его.

— Не ожидал тебя здесь увидеть, — признается он.

Его руки по-прежнему на моих плечах. В серых глазах интерес, а у меня начинается аритмия, как и всегда в его присутствии. Мычу что-то вроде: «Мне надо идти», но пальцы Алекса только сильнее сжимают плечи.

— Ты пьяна? — недоверчиво спрашивает он.

Отрицательно мотаю головой, но от этого движения к горлу подступает тошнота, а лицо Алекса делится уже на четыре.

— Я... Пожалуй.

Алекс глухо матерится.

— С кем ты здесь? — гипнотизирует меня взглядом и требует ответа.

— С подругой, — отвечаю послушно, сглатывая горечь, возникшую во рту.

— Где твой брат?

— Понятия не имею. — Теперь мой голос похож на писк.

— Какой же придурок, — раздраженно цедит Алекс.

Он дергает меня за плечи, так что я в какой-то момент оказываюсь прижатой к его телу, и куда-то тащит. А я не успеваю ничего возразить, как перед нами вырастает Аня.

— Эй, ты. — Пальцем одной руки с темно-бордовым маникюром она воинственно тычет в грудь Алекса, а другой обхватывает меня

за запястье. — Куда это ты тащишь мою подругу?

На секунду я застываю, любуюсь ею. Черные волосы разметались по плечам, брови нахмурены, зеленые глаза мечут молнии. Настоящая амазонка на страже моей чести и достоинства.

— Ей на улицу надо, — говорит Алекс спокойно. — Она пьяна.

Я делаю попытку возмутиться и вырваться, но он крепко держит меня, не позволяя отстраниться. Тем временем шум в моей голове становится громче. Во рту ощущается противная кислота. И я, несмотря на отчаянную попытку держать голову прямо, чувствую, что меня уводит вправо.

— Да ну, — с издевкой парирует Аня. — И ты, как Чип, спешишь ей на помощь?

Она тянет меня на себя. Алекс тоже не отпускает. А я, распятая между ними, чувствую, что лечу в пропасть.

— Господи... — бормочу я.

Мои ноги слабеют, перед глазами расходятся красные круги, содержимое желудка возмущенно стремится к горлу. Сквозь турбинный шум в ушах слышу сочное ругательство Алекса, а следом все приходит в движение. Картинки перед глазами стремительно меняются, провоцируя головокружение. За мгновение до того, как во рту становится невыносимо горько, а из глаз

брызгают слезы, я вижу перед собой белый ободок унитаза.

Сворачиваюсь пополам, чувствуя, как мой желудок выворачивается наизнанку.

Боже, как мне плохо...

Когда рвотные спазмы стихают, осознаю, что кто-то бережно поддерживает меня за плечи. Отчаянно цепляюсь за надежду, что это Аня, а после ничего не помню.

Мир — сплошная темнота.

Глава 3

Кажется, где-то бьют в барабаны.

С трудом открываю глаза, в которые, пока я спала, кто-то насыпал песок, и морщусь от резкого солнечного света. Сейчас утро? Я решительно не помню, как наступило утро. Последнее, что сохранилось в памяти... Пятый или шестой по счету бокал вина?

Борясь с головокружением, приподнимаюсь на кровати. Посмотрев по сторонам, понимаю, что я не дома и не у Анюты — обстановка вокруг мне решительно незнакома. Вообще, меня не так-то просто выбить из колеи, но сейчас я чувствую что-то отдаленно напоминающее панику.

О господи, что я натворила?

Опускаю глаза и едва не визжу от радости — на мне мои собственные джинсы и футболка. Свитер и куртка аккуратно сложены на стуле в углу комнаты. Сумка висит на ручке закрытой двери.

Дыши, Лиля.

Медленно принимаю вертикальное положение и спускаю ноги с кровати. Голова гудит. В желудке непривычная тяжесть. Во рту сухо и противно, словно я всю ночь жевала чьи-то носки. Определенно, физически я никогда не чувствовала себя настолько отвратительно.

Пока я делаю отчаянные попытки прийти в себя и сделать так, чтобы мир перестал кружиться перед глазами, открывается дверь, и в комнату без стука входит мужчина.

О господи, нет, только не он.

Передо мной во всем своем утреннем великолепии стоит Александр Ди Анджело. Волнистые волосы в художественном беспорядке, глаза сонные, губы пухлые, серые треники болтаются низко на бедрах. С трудом сглатываю и закрываю глаза. Больше всего на свете я хочу открыть их снова и убедиться, что появление этого человека в комнате — продолжение дурного сна.

— Доброе утро, — слышу хриловатый голос, от которого пальцы на моих ногах произвольно поджимаются. — Вот, возьми.

Заставляю себя разлепить веки и тут же встречаюсь взглядом с Алексом, который успел подойти к кровати и теперь протягивает мне стакан с какой-то мутной жидкостью. В моем горле — пустыня, но я подозрительно смотрю на стакан, не решаясь взять его: кто знает, что на этот раз придумали Ди Анджело. Вдруг они

похитили меня и теперь в их планах отравить меня, а потом расправиться с братом?

Алекс весело хмыкает и, словно точно знает, о чем я думаю, добавляет:

— Лиля, это обычный аспирин.

Стараясь не соприкоснуться с ним пальцами, беру из его рук стакан и осторожно делаю маленький глоток. Похоже, это действительно лекарство, а не какой-нибудь мышьяк.

— Совсем необязательно было это делать, — шепчу я.

— Пожалуйста, — отвечает Алекс с улыбкой, непринужденно присаживаясь на кровать рядом.

Пью шипучку и смущенно верчу стакан в руках. Чувствую на себе внимание Ди Анджело, но не решаюсь поднять глаза. Мне стыдно, немного страшно и волнительно. Стыд сейчас в приоритете. А еще в голове сотни вопросов, которые я боюсь задать. В списке неловких ситуаций, в которые я попадала в своей жизни, эта, похоже, займет почетное первое место.

— Где я? — выдавливаю из себя, когда молчать и дальше становится неприлично.

— У меня.

Мой желудок ухает куда-то вниз.

— Почему? — Облизываю кончиком языка сухие губы и тяжело дышу. Не пойму в чем дело, но, видимо, за ночь у меня развилась острая форма астмы.

— Потому что вчера тебе требовалась помощь, — следует лаконичный ответ.

Интересно, насколько жалко я буду выглядеть, если все же спрошу, что произошло вчера? Пока размышляю над этим, Алекс делает движение в мою сторону — я инстинктивно дергаюсь.

— Dio, да не волнуйся ты. — С этими словами он забирает из моих пальцев пустой стакан и встает.

— Мне надо домой, — произношу тихо, избегая его взгляда.

— Как ты себя чувствуешь? — В ожидании ответа Алекс ощущивает меня взглядом, отчего мне становится не по себе.

Хочу сказать, что чувствую себя прекрасно, но почему-то изо рта вырывается максимально честное:

— Не очень.

— Тебе не стоит столько пить.

— Я... — Перевожу дыхание, потому что волной накатывает слабость, но нахожу в себе смелость бросить: — Это тебя не касается. Ты мне не отец и даже не брат, чтобы...

— К счастью, — сочащимся иронией голосом рубит Алекс.

Я почему-то из-за этого страшно смущаюсь и, вопреки логике, лишь сильнее ощущаю себя непослушным ребенком. Дурацкая ситуация.

— На самом деле ты могла нарваться на серьезные неприятности, если бы я не заметил тебя в баре. — На этот раз в его интонациях нет и следа веселья.

— Я бы справилась. Моя подруга... Ой. — Я в ужасе думаю о том, что исчезла, скорее всего ничего не сообщив Ане. Она, должно быть, с ума сходит от беспокойства!

— Подруга? Скорее, огнедышащий дракон! Мне пришлось вспомнить все твое генеалогическое древо до четвертого колена, чтобы она поверила, что я не похититель и не извращенец, — с усмешкой говорит Алекс, а потом уже серьезнее добавляет: — Она хорошая подруга.

Мне отчаянно хочется спросить его про прошлый вечер, но я прикусываю свой язык, потому что предвижу, что ответ мне не понравится. Не хватало еще, чтобы Алекс считал, что я напилась до потери памяти, даже если это так и есть на самом деле.

Несмотря на то что мне ужасно паршиво и больше всего на свете я хочу задернуть шторы, лечь на кровать и спать, понимаю, что мне ни в коем случае нельзя здесь оставаться.

— Я хочу домой. — Мой голос звучит почти жалобно, и это меня злит.

— Ты свободна. — Алекс жестом указывает на дверь.

— Могу я воспользоваться ванной? — спрашиваю смущенно, чувствуя, как пылают мои щеки.

Он весело смотрит на меня и кивает. Не понимаю, в чем тут дело, но, судя по всему, вся ситуация его страшно забавляет.

— Я буду на кухне. Сварить кофе?

— Чай, если можно.

Алекс вновь кивает и наконец-то выходит.

Когда за ним закрывается дверь, я падаю на кровать и стискиваю зубы, чтобы не застонать от отчаяния. Это ж нужно умудриться попасть в такую ситуацию! На планете восемь миллиардов людей. Разве справедливо, что именно Александр Ди Анджело стал свидетелем моего первого в жизни пьяного загула?

Даю себе несколько минут, чтобы настроиться, и поднимаюсь с кровати. Стараясь избегать резких движений, чтобы мир не начал вращаться, дохожу до двери и выуживаю из сумки телефон. На экране десятков сообщений от Ани и всего один пропущенный звонок от брата. Это все подождет.

Беру косметичку и иду в ванную.

Ох, черт.

Я выгляжу так, будто слетала на экскурсию в ад и лишь под утро вернулась обратно: волосы взлохмачены, лицо помято, на щеке отпечатались шов от подушки, под глазами размазанная тушь. А что это еще за пятна на футболке?

Не хочу знать, не хочу! Неудивительно, что Алекс, глядя на меня, так веселился.

В косметичке негусто. Умываю лицо под холодной водой и тру глаза мылом, чтобы избавиться от черных разводов туши, чищу зубы пальцем и причесываюсь. Наношу слой любимого ВВ-крема, который, к счастью, оказывается в косметичке, и критическим взглядом инспектирую результат. Не супермодель, конечно, но лучше, чем было.

Когда я выхожу из комнаты, в квартире уже витают бодрящие ароматы свежего кофе. И хотя я предпочитаю чай, оценить хорошо приготовленный напиток могу. Иду по коридору на запах и застываю, когда вижу высокую фигуру Алекса на кухне. Штаны все так же низко висят на бедрах, на шее болтается кухонное полотенце, а сам он что-то фальшиво напевает на чистейшем итальянском. Хорош, как грех. Интересно, каково это, когда...

— Проходи, садись.

Подпрыгиваю от неожиданности, когда хрипловатый голос возвращает меня к действительности.

— Хочешь перекусить?

Отрицательно качаю головой, не доверяя себе. Алекс кивком указывает на высокий стул у барной стойки и, когда я на него забираюсь, ставит передо мной дымящуюся чашку чая, са-

харницу и тарелочку с ломтиками лимона. Не знаю, откуда он знает, но свой чай я пью исключительно в такой комбинации. В немом изумлении смотрю на кружку, потом поднимаю глаза на мужчину. Черт, черт, черт. Он улыбается, отчего ямочки на его щеках становятся заметнее.

Я всегда считала, что Алекс опасен. В принципе, опасен. Но сейчас я впервые понимаю, насколько он опасен конкретно для меня. Без малейших усилий он излучает обаяние, противостоять которому мне невероятно сложно. И это сбивает с толку. А ведь мне нельзя забывать, что он — Ди Анджело. Его отец обокрал моего отца, а сам он предал дружбу моего брата. История наших семейств запутанная, сложная и непонятная. Мы как Монтекки и Капулетти — нам нельзя общаться, если мы не хотим кровопролития. И тем страннее выглядит все происходящее сейчас. Его приход на похороны родителей, встреча в баре, это утро...

— Я прямо вижу, как разгоняются твои мысли, — усаживаясь на стул напротив, замечает Алекс.

Я вспыхиваю и, чтобы не смотреть на него, упираю взгляд в мраморную поверхность стола.

— Ты теперь часто бываешь в России? — спрашиваю я.

— Чаше, чем раньше, — как всегда уклончиво отвечает мужчина.

— Почему?

— Бизнес. — Он пожимает плечами, явно не настроенный распространяться на эту тему. Что ж, объяснимо. За месяц до смерти родителей «Ди Анджело Корп» перехватили у нас типографию. Алекс знает, что мне все известно. В день похорон я ему об этом говорила.

На какое-то время в кухне воцаряется тишина. Мы с Алексом молча пьем свои напитки, и ни один из нас не стремится нарушить неожиданно возникшее перемирие. Пока есть возможность, я украдкой разглядываю его: босой, со вчерашней щетиной, в серых трениках и растянутой футболке с логотипом итальянского яхт-клуба, он выглядит очень привлекательно. Мои глаза останавливаются на его губах. Интересно, что бы я почувствовала, если бы он снова меня поцеловал?

Громко сглатываю, когда эта ужасная в своей порочности идея приходит мне в голову.

— Тысяча баксов за твои мысли, — тут же цепляется Алекс.

— Что? — спрашиваю я, предательски краснея.

— Судя по выражению лица, ты думаешь о чем-то страшно увлекательном, — поясняет он с мальчишеской улыбкой.

— Я думаю, что мне давно пора домой, — парирую я, стараясь отвлечь его внимание.

— Могу подбросить тебя, — предлагает он, отпивая кофе из своей чашки. А я на мгновение зависаю на движении его кадыка, когда он глотает.

— Я вызову такси, — отвечаю внезапно осипшим голосом.

— Как хочешь. — Он рассматривает меня со странным выражением в глазах, которое мне не удастся классифицировать. Что это? Забава? Интерес? Расчет?

Достаю из кармана телефон и открываю приложение такси. К счастью, подходящая машина находится мгновенно. Отодвинув от себя чашку с недопитым чаем, встаю со стула и топаю к входной двери. Алекс следует за мной. Ощущая его за спиной, я чувствую всю ту же необъяснимую тревогу и опять не могу понять, откуда ее истоки.

— Моя куртка и сумка в комнате, — бормочу я, зависая с ботинком в одной руке.

— Я принесу, — вызывается он помочь.

Пока я обуваюсь, Ди Анджело возвращается с моими вещами.

— С-спасибо, — говорю торопливо, избегая смотреть на него. Почему он, черт возьми, так действует на меня? — И пока.

— До встречи, Лиля, — почти ласково отвечает Алекс.